

Александр Коломийцев

Русь. XI столетие

Исторический роман

Новокузнецк
«Союз писателей»
2021

УДК 82-311.6
ББК 84(2=411.2)6-442
К61

Коломийцев, Александр Петрович.

К61 Русь. XI столетие: исторический роман / А. П. Коломийцев; худож. А. А. Дьяченко. — Новокузнецк: Союз писателей, 2021. — 268 с.
ISBN 978-5-00143-566-2

Роман рассказывает о жизни Руси в 60-70 годах 11 столетия. Вспыхивающие междоусобицы разоряют города, уносят тысячи жизней, ослабляют Русь. В центре повествования три брата, сыновья Ярослава – князя Изяслав, Святослав, Всеволод и полоцкий князь Всеслав. Всеслава снедает жажда власти. После недолгого затишья полоцкий князь затевает междоусобицу, грабит села близ Киева, захватывает Новгород. Человеческая жизнь для него ничто. Братья объединяются и идут усмирять Всеслава. Но и для них жизнь простых людей не представляет ценности. Они жестоки, коварны, вероломны. На фоне княжеских междоусобиц протекает жизнь простых людей – киевлян, новгородцев, с их трудами, невзгодами, верованиями, борьбой с княжеским и боярским гнётом. Большое место в романе занимает становление Печерского монастыря, жизнью иноков, стремлением настоятеля удержать князей от кровопролития. За монастырскими стенами собрались разные люди. Одни пришли сюда с искренним желанием служить Богу, некоторые укрылись от боярского произвола, встречаются и обыкновенные пройдохи. Князь Всеволод всеми силами старается объединить братьев, организовать совместный поход в Степь для разгрома кочевников, терзающих Русь набегами. На какое-то время ему это удаётся.

УДК 82-311.6
ББК 84(2=411.2)6-442

ISBN 978-5-00143-566-2

© Коломийцев А. П., текст, 2021
© Дьяченко А. А., иллюстрации, 2021
© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2021
© ИП Соседко М. В., издание, 2021

Пролог

В год 6562-й от сотворения мира, в 1054-й от Рождества Христова преставился боголюбивый великий князь Ярослав, за труды свои прозванный Мудрым. Ещё при жизни дал князь чадам своим наставление: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои, имейте любовь между собой, потому что все вы братья от одного отца и одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас, и покорит вам врагов, и будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли её трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол свой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду — Переяславль, а Игорю — Владимир, а Вячеславу — Смоленск».

Дабы суд творился по обычаю, не было злоупотреблений, не страдали невинные, а их обидчики радовались силе своей, оставил князь «Русскую Правду». Преподобный Нестор писал о Ярославе, который, словно сеятель, «засеял книжными словами сердца верующих людей». Также Нестор писал, что при Ярославе христианская вера стала «плодиться и расширяться, и черноризцы стали множиться, и монастыри появляться».

При боголюбивых князьях Ярославе и сыне его Изяславе близ Киева возник Печерский монастырь. Сей монастырь отличен от иных, ибо основан не благодеяниями князей, а стараниями братии.

Начался Печерский монастырь вот так. Духовником у князя Ярослава был поп Иларион, живший в любимом Ярославовом селе Берестовое. Пресвитер Иларион, муж благостный, книжник и постник, выходил из села в дремучие леса, творил молитвы. На холме у Днепра выкопал малую пещерку, втайне пел в ней церковные часы и молился Богу. Ярослав возлюбил Илариона и принудил епископов избрать того митрополитом. (Се не понравилось грекам.) Через какое-то время в той пещерке поселился черноризец Антоний. Родом Антоний происходил из Любеча, постриг же принял на Святой горе. Со Святой горы Антоний вернулся на Русь, ибо так велел игумен, постригший его. Ходил Антоний по Руси в поисках монастыря, где бы ему поселиться, но ни к одному не прикипел сердцем и ушёл в лесные дебри. Наткнувшись на Иларионову пещерку, поселился в ней, ибо возлюбил то место. Таков был промысел Божий.

Поселившись в пещерке, Антоний вёл праведную жизнь, неустанно молился, питался сухой коркой, и то не всякий день, между молитвами трудился не покладая рук. Слава о нём пошла по всем городам и весям Русской Земли. Под его благословение приезжал великий князь со своей дружиной. В пещеру ту собрались праведные мужи, искавшие способ послужить Богу. Антоний по их великому желанию постригал тех мужей. Число мнихов умножилось. Антоний же хотел уединиться и в уединении неусыпно служить Богу, не отвлекаясь на земные заботы. Потому выкопал себе новую пещерку, а братии оставил игуменом Варлаама. Братия всё увеличивалась числом. Пришёл игумен с братией к Антонию и сказал: «Отец! Умножилась числом братия, не можем вместиться в пещере. Если бы Бог повелел, поставили бы мы церковь вне пещеры». Антоний благословил их.

Прошло ещё сколько-то времени, опять пришла братия к Антонию, молвили мнихи: «Отец! Братия умножается, и хо-

тели бы мы поставить монастырь». Антоний на те слова обрадовался: «Благословен Бог во всём, и молитва Святой Богородицы и отцов Святой Горы да будут с вами». Сказав так, послал одного чернеца к князю, повелев передать: «Князь мой! Вот Бог умножает братию, а местечко мало, дал бы ты нам гору ту, что над пещерой». Князь Изяслав обрадовался, что может свершить богоугодное дело, исполнил просьбу Антония. С той поры начался Печерский монастырь. Антоний же, не выходя из пещеры, прожил в ней сорок лет, и в ней лежат его мощи.

Десять лет по смерти Ярослава русский меч не проливал русской крови. Братья не делили уделы, жили по заветам отца своего. В 1060 году Ярославичи купно с Всеславом Полоцким ходили на торков, изгнали тех за пределы Земли Русской. Но огневицей вызревали кровавые междоусобицы, надвигались опустошительные набеги поганых. Тому предшествовали дурные знамения.

В 1063 году в Новгороде Волхов в течение пяти дней тѣк в обратную сторону.

В 1065 году было знаменье на Западе. Огромная звезда с красными, будто кровавыми, лучами всходила после захода солнца. И так было целую седмицу. Знаменье то было не к добру, ибо кровавые лучи предвещали великое кровопролитие. Так и случилось через некоторое время. От вида той звезды произошёл великий страх. Иные тяжёлые бабы разрешались от бремени раньше срока, по ночам куры кукарекали петухами, а у коров сворачивалось молоко в вымени. В те дни и солнце изменилось — не блистало ярко на небе, а светило, словно бледный месяц.

В реке Сетомль рыбаки вытащили неводом мёртвого ребѣнка. На лике у того дитяти были срамные части, и обомлевшие ловцы бросили его назад в реку.

Глава 1

От свирепого рыка с елей посыпался снег. Зверь встал на задние лапы, исполином возвысился над жалким двуногим существом, посмевающим нарушить зимний сон. Двуногий доживал свои последние мгновения. Вопреки разуму не бросился наутёк и не сжался в комок от ужаса. Издав ответный вопль, двуногий выбросил навстречу зверю жало. Вне себя от ярости, косматое чудовище навалилось на дерзкого ловца, когтистые лапы едва не достали до головы. Зверь сам напоролся на жалкую преграду. Сверкнув на солнце, сталь пронзила сердце.

Ростислав сжимал древко рогатины, вибрирующее от предсмертных медвежьих конвульсий. Расчёт оказался верным, жало рогатины достигло цели. Иного быть не могло. Кроме заваленного князем, в берлоге обитали ещё два медведя. Этих угомонили гридни. Крупного самца князь взял один на один, строго-настрого запретив помогать ему. Лишь Вышата стоял в трёх шагах наготове. Но Вышата, старый воевода, упрям, своеволен, не склонен выполнять все сумасбродные причуды князя. В досюльщине перед предприятием, полным опасностей и неожиданностей, гадали на белого коня. Ростислав придумал для себя особое гадание, даже не гадание, а испытание. Завалит в одиночку медведя — исполнится задуманное. Взять медведя на рогатину — одной бесшабашной удали да храбрости мало. Оплошаешь, косолапый одним ударом душу вышибет. Руку нужно иметь твёрдую и сильную, терпение, выдержку, дожидаться, когда медведь приблизится, знать, как поставить смертоносное орудие, дабы косолапый сам насадил себя на него. Про-

махнёшься — но́ги унести не успеешь от раненого зверя. Потому решил Ростислав: запрет в одиночку медведя — способен на многое. Ежели тот окрасит белый снег княжеской кровью, значит, слабак, нечего и браться. Судьба, она к сильным, хладнокровным благоволит.

— Добре, добре, — проговорил воевода и, сняв меховую рукавицу, пригладил усы и бороду.

Гридни развели костёр, свежевали туши, собаки лизали кровь со снега. Лучи красного солнечного шара дробились в голых ветвях дубов, буков, мешались с отблесками пламени. Ростислав снял со вспотевшей головы шапку, отдал гридню, подошёл к костру, протянул к огню руки. Воевода мигнул парню, тот поднёс князю чашу крепкого мёда. Ростислав глянул, не понимая, затем принял чашу, выпил не отрываясь. Теперь, когда всё закончилось, по спине пробежал холодок. И удар мог получиться неверным, и лезвие рогатины скользнуть по рёбрам, и древко могло обломиться. Случись такое, и Вышата бы не помог. И всё-таки он его взял, один, даже без выжлецов. Торжествующая улыбка коснулась сомкнутых губ. Вышата поднёс на пруту полуобжаренное медвежье сердце.

— Съешь, князь. Такое в Новгородских землях поверье — съешь сердце убитого тобой медведя, силы придут и удача.

Сердце обжарилось сверху, внутри наполнилось запёкшейся кровью. Пачкая губы, Ростислав съел подношение, хлебнул мёда. Гридень подал убрус, князь утёр пальцы, губы.

Вышата подождал, пока парень отойдёт в сторону, спросил:

— Ну что, шлём вестников Порюю?

— Отправляй, только отай.

— То само собой.

Ростислав решил. В тот миг, когда лезвие рогатины проткнуло медвежье сердце, окончательно уверился —

сможет. Ссориться со стрьями, выступить против них в открытую — се не перебранка на пиру, важный поступок, который изменит всю его жизнь. Он не скоротечный набег задумал. Сесть на богатых обширных землях, сделать их своей вотчиной, чтобы и сыновья ими владели, — вот его замысел. В том, что и великий князь Изяслав, и Всеволод будут держать сторону Святослава, в том можно не сомневаться. Была ещё одна препона к решению. Не хочет он проливать русскую кровь, не хочет.

После ранней кончины отца, ни единого дня не сидевшего на киевском столе, он не мог рассчитывать на великое княжение. Таков порядок, установленный дедом. Отцовские братья могли оставить за ним Новгород, для которого отец так много сделал. Дядья же поступили с ним, словно с изгоем. Да он и был для них изгоем. Вначале отправили в никудышний Ростов, три года назад — сюда, во Владимир. Ростовская земля по велению великого князя Ярослава, Ростиславова деда, была владением Всеволода. Переяславльский князь не восхотел, дабы в его родовом городе княжил сыновец. С Ростовом Ростислав расстался без сожаления. Был он в нём чужаком. Ростовское боярство серыми волками смотрело на пришлого князя. Владимир Ростиславу сразу не глянулся. Река за пятнадцать вёрст, с трёх сторон болота, летом от мшицы не продохнуть. Весной, осенью грязь непролазная. Наезжали и во Владимир гости и с Германии, и с Востока, да всё не то, что в Новгороде. Гомон новгородских улиц ни с чем не сравнить, на вымолах каких только языков не услышишь. А София, выстроенная отцовскими стараниями! Но в Новгороде его не оставили. Гоняют с одного города в другой. Ложишься спать и не знаешь, кем проснёшься, князем или изгоем, которому не то что дружину содержать, семью нечем прокормить. Владимир — се Киевская земля. Не восхочет ли Изяслав посадить в нём свое-

го сына? Всякий день ждёшь вестника — освободи, княже, стол. Стрьи даже в поход на торков не позвали. Новгорода ему не видать, у дядьёв свои сыновья есть. Ростислав даже не помнил, в какую ночь на ум пришла Тмутаракань. Город богатый, на берегу Сурожского моря. Главное, вдали от пригляда. Вольный ветер манил молодого князя. Раз, другой заговорил о нём с Вышатай. Воевода бывал в тех краях, когда с князем Владимиром по указу великого князя Ярослава ходил на ромеев. Русское море, Царьград, Дунай далеко от Тмутаракани, да край-то один. Стороной пришло известие, стрый Святослав посадил в Тмутаракани на княжение своего сына Глеба. Княжичу Глебу по его ухваткам не на княжий стол садиться — в чернецы идти. Задумал Ростислав согнать Глеба из Тмутаракани, самому его место занять. Вышата молодого князя в том поддержал.

Воевода хорошо изучил своего бывшего питомца, а теперь князя. Поход на Тмутаракань ещё осенью обсудили до мелочей, и с братом Пореем было сговорено. Брат с радостью согласился участвовать в опасном предприятии. Князь всё никак не говорил последнего слова.

С князем Владимиром, отцом Ростислава, воевода Вышата испил и горькую чашу поражений, испытал и радость побед. После смерти князя остался при княжиче, разделил судьбу молодого князя. Князь не клял злосчастную судьбу, сам мог ухватить её за хвост и повернуть в свою сторону. Мог и развязать узелки, что вяжет Кривда на нитях, сплетённых Макошью.

Догадался старый воевода, зачем понадобился молодому князю поединок со свирепым медведем. Что ж, по-своему прав. Уверился в себе, можно и за дело приниматься.

Затеял Ростислав междоусобицу, но кровь соплеменников не проливал. Ушёл Глеб из Тмутаракани, Ростислав

занял его место. Отец Глеба, черниговский князь Святослав, вступился за сына, привёл дружину в Тмутаракань. Ростислав не поднял оружия против дяди, ушёл из города. Глеб вновь занял княжеский столец. Но едва Святослав вернулся в Чернигов, Ростислав вновь изгнал Глеба. Сев в Тмутаракани, Ростислав наложил дань на касогов и другие племена. Но не сбылась мечта молодого князя. Ромеям не нравился деятельный, предприимчивый сосед. В 1066 году Ростислава коварно отравил прибывший к нему в гости херсонесский котопан.

